
ЭВЕРИН
Грань равновесия
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
АСТА ОКТАВИА

Аста Октавиа

Эверин. Грань равновесия

https://litres.ru/74720399
SelfPub; 2026

Аннотация

Она провела всю жизнь среди людей, которых называла семьёй, — и ни разу не усомнилась в их любви. Но любовь и правда, как оказалось, не всегда идут рука об руку.

Когда забытое просыпается — не только сила внутри, но и обрывки того, что случилось на самом деле, — Аврора понимает: то, что стёрлось из её памяти той ночью, — не просто детский кошмар. И те, кто был рядом всё это время, знали правду и молчали о ней намеренно.

Теперь ей нужно заново собрать себя из осколков: разобраться, кому верить, а кому — нет, и решить, готова ли она стать той, кем ей суждено быть.

Потому что где-то далеко её уже ждут. И не только с добрыми намерениями.

Содержание

Глава 1. Аврора 4
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Аста Октавиа
Эверин. Грань равновесия

Глава 1. Аврора

Первые лучи утреннего солнца робко пробивались сквозь щель в тяжёлых портьерах, выхватывая из полумрака комнаты кружащиеся в воздухе пылинки. Они танцевали, словно крошечные феи, прежде чем опуститься на полированную поверхность комода и обложки книг, вечно живущих в беспорядке на прикроватном столике.

Я проснулась не от звука, а от ощущения — знакомого, почти забытого за ночь чувства: лёгкого, едва уловимого тепла под кожей. Оно пульсировало в такт спокойному биению сердца, напоминая о спящем вулкане, чьё присутствие стало настолько привычным, что замечалось лишь в такие тихие мгновения между сном и явью. Когда я приподнялась в кровати, заскрипело старое, но верное ложе — и всё же я разрешила себе снова укутаться в одеяло и полежать ещё минуту с закрытыми глазами, слушая, как за окном просыпается мой мир.

Место, где я жила, нельзя было назвать замком или имением в полном смысле этого слова. Скорее, небольшим, немного обветшалым домом, утопающим в зелени сада, ко-

торый с каждым годом всё наглее пытался отвоевать себе пространство. Плющ уже вскарабкался до окон второго этажа, дикий шиповник наступал на тропинку, ведущую к крыльцу, а старая яблоня у западной стены так разрослась, что её ветви скребли по черепице при каждом порыве ветра — будто кто-то снаружи настойчиво просился внутрь. И только Торн — мой названый отец и садовник в одном лице — не давал цветам и растениям окончательно захватить наш дом. Он стоял на землях Эверина — древней страны, где семь кланов когда-то поклялись жить в мире. И даже если я не помнила этой истории, моя кровь, кажется, знала.

Спокойствие утра нарушили знакомые, размеренные шаги в коридоре, за которыми последовал настойчивый стук в дверь.

— Аврора, дитя моё, ты уже проснулась? — послышался голос, густой и ласковый, как мёд, голос, который я знала и любила всю свою сознательную жизнь.

— Да, Кларисса, входи, пока дом не рухнул от твоего стука, — откликнулась я с ироничной улыбкой, приподнимаясь на локте.

Она вошла — высокая, статная, с седыми косами венцом, неся поднос с ароматным травяным чаем. Формально она моя экономка, но для меня — советчица и спасительница: именно она вытащила дом из траура после смерти родителей.

— Ты снова не задёрнула шторы. Марта опять будет гово-

рить, что должна быть разница…

— Между ночью и утром, — подхватила я как мантру.

Марта — ещё одна жительница нашей скромной обители. А если быть точнее — горничная.

— Опять читала до рассвета? — подметила она, следя, чтобы чай благополучно добрался с подноса в мои руки.

— Что-то вроде того, — уклончиво, но с благодарностью ответила я.

Меня всегда завораживало, как Кларисса деловито двигается по комнате, и вместе с этим накатывала лёгкая неловкость. Та самая, что возникала каждый раз, когда кто-то что-то для меня делал. Я видела, как живут другие владельцы окрестных земель — с целым штатом прислуги, с требованиями, высокомерием и полным пренебрежением к тем, кто им прислуживает. Для них люди вроде Клариссы и всех близких, которые обо мне заботились, были просто тенями, мебелью. Мысль о том, чтобы обращаться с кем-то подобным образом, вызывала жгучее чувство стыда. Мне было не по себе от самой роли «хозяйки», и я тысячу раз предпочла бы наливать себе чай сама. Всегда вспоминала слова Элдрика, дворецкого нашего дома: «Мы делаем это не потому, что служим, а потому что любим тебя». Седина и шрам от давней битвы придавали ему суровый вид — но обманчиво суровый. С нами он был по-настоящему добрым, просто не привык открыто это показывать. Шрам на его лице проходил от левой части к правой, как бы пересекая его — напоминание

о том, что такое потери и боль. Я часто спрашивала о прошлом Элдрика, но он никогда не говорил о войне.

Кларисса, казалось, прочитала мои мысли и остановилась:

— Перестань. Это для мира ты — последняя в роду, а для меня — девочка, которой я вытирала нос, и которая пропадала с Клайдом в саду вместо уроков этикета. Позволь мне заботиться о тебе. Нам — заботиться о тебе.

Я хотела было возразить. И что такого в том, что я последняя в своём роде? Не в моём характере было молчать, но под нежным взглядом Клариссы слова застряли в горле. Потому я лишь кивнула, снова поднеся чашку к губам, ощущая любимые запахи чабреца и мяты. Неожиданно в моей памяти всплыл образ — лучистые синие глаза и небрежно лежащие на плечах волосы цвета серебра. Память уже практически стёрла воспоминания о том, как он выглядел — настолько давно его не было в моей жизни. Друг, как я предпочитала думать, уехал с родителями около десяти лет назад. Попрощались мы достаточно сердечно. Обменялись детскими клятвами о том, что никогда друг друга не забудем. Удивительно, что моё сознание запомнило его лучше всех, ведь я ничего не помню. Хотя если быть точнее, помню очень мало. Лица родителей остались в моей памяти лишь благодаря фотографиям. То, как мы проводили время вместе, как к нам приходили гости, — я не могу вспомнить. Из памяти исчезло вообще всё, не считая тех, кто находился в поместье, и тех, с кем я познакомилась заново в округе.

От этой светлой ностальгии в реальность вернул чай. Сегодня жар от него казался сильным, почти обжигающим. Он странно перекликался с тем самым внутренним ощущением, что не отпускало меня уже несколько дней. На мгновение оно вспыхнуло чуть ярче, будто отозвалось на биение сердца, а через секунду снова утихло.

Кларисса вздохнула, но глаза её светились нежностью. Она отступила на шаг, давая мне пространство, и привычно, по-матерински оглядела меня с головы до ног.

Я потянулась, и в зеркале показалась такая же растрёпанная рыжая девица — с отпечатком подушки на щеке. Солнце наконец пробилось сквозь штору и ударило прямо в волосы, вспыхнувшие так ярко, что я зажмурилась. Опять это медное пекло на голове. Длину я давно укоротила — слишком уж мешались, — а вот с цветом оставалось только смириться. Веснушки снова разошлись по всему носу. Шляпки я по-прежнему ненавидела — и расплачивалась за это каждое утро у зеркала. Глаза, по крайней мере, меня не подводят. Голубые, спокойные. Я подошла к шкафу, чтобы снять ночную рубашку и переодеться. Сегодня хотелось надеть брюки цвета лаванды — они доходили мне до щиколотки и совсем не стесняли движений, а сверху лёгкую белую рубашку.

Кларисса невольно засмотрелась на знакомую, давнюю деталь — небольшой, аккуратный шрам, рассекавший край моей левой брови. Морщинка на лбу, придававшая лицу Клары ещё больше задумчивости, означала немой вопрос, на

который у неё не было ответа.

— Что? — я подняла бровь, заметив, как внимательно она изучает моё лицо, и машинально провела пальцем по шраму. Этот жест был привычным, бессознательным. Я не помнила, как появился сам шрам. Все лишь говорили, что в детстве я упала с дерева. Именно из-за этого, кстати, я и потеряла свои воспоминания. История казалась обычной… и начисто лишённой каких-либо ярких деталей. Пустое место в памяти, прикрытое логичным объяснением.

— Ничего, дитя моё, — покачала головой Кларисса, и в уголках её глаз собрались лучики морщинок. Её взгляд на мгновение стал отрешённым, будто она увидела не меня, а кого-то другого, давно ушедшего. — Просто смотрю, как солнце любит тебя. Оно делает твои волосы ещё ярче. Сегодня ты вся словно светишься изнутри.

Я скептически хмыкнула, отвернулась и села к прикроватному столику. В голове снова возник Клайд. Почему он всплывает в моей памяти уже несколько раз за утро?

— Чем займёшься сегодня? — Кларисса прервала мои мысли, поднимаясь с кровати. Она поправила передник и окинула меня внимательным взором.

— Пойду в библиотеку, — ответила я, ставя кружку на столик. — А после, возможно, в сад. А ты? — уточнила я, когда Кларисса уже направилась к двери.

— А мне нужно будет помочь Элдрику, — сказала она, и в её голосе послышалась едва заметная мягкость. — У него

сегодня какие-то дела в оранжерее, и он просил меня помочь ему.

Я не удержалась и усмехнулась.

— Элдрик, значит? — я приподняла бровь и игриво наклонила голову. — Тебе ведь совсем не трудно помогать ему, правда? Особенно когда он так на тебя смотрит.

— Прекрати, Аврора. Ты слишком многое замечаешь. — Кларисса закатила глаза, но улыбка тронула уголки её губ.

— А вы слишком плохо это скрываете, — парировала я.

Она фыркнула, но в этом звуке не было обиды — только лёгкое смущение. Кларисса не стала спорить, только покачала головой и вышла за дверь, тихо притворив её за собой. Я ещё несколько секунд смотрела на то место, где она скрылась, с лёгкой улыбкой на губах. Как же они всё-таки смешны — взрослые люди, которые годами смотрят друг на друга так, будто вокруг никого нет. Элдрик, грозный мужчина с сединой и шрамом, становился мягким, стоило Клариссе войти в комнату. А она отвечала ему тем же. Об их чувствах знал, кажется, весь дом. Может, и они сами понимали — просто боялись себе в этом признаться.

* * *

Направляясь в библиотеку, я вышла из своей комнаты и остановилась на миг, привыкая к полумраку второго этажа. Он мне нравился больше первого, своим приглушённым светом даже в дневное время и запахом старого дерева вперемешку с пылью. Проходя через коридор, где солнечные лу-

чи падали на старые портреты, висевшие на стенах, я словно ощущала на себе взгляды своих незнакомых предков. Они будто следили за мной с выцветших холстов — строгие лица, тёмные одежды, тяжёлые взгляды. Раньше я их почти не замечала. Библиотека находилась в конце коридора, сразу за последним портретом. Её дверь была приоткрыта, и оттуда тянуло старым пергаментом и пылью. Я толкнула дверь и шагнула внутрь, оставляя портреты позади. Но их взгляды всё ещё казались мне тяжёлыми — будто они знали то, что неизвестно было мне.

Остановившись у входа, я прикрыла глаза. Этот запах всегда действовал на меня странно — успокаивал, но одновременно заставлял сердце биться быстрее. В библиотеке я чувствовала себя собой. Я подошла к стеллажу в дальнем углу, где всегда хранились самые старые книги — те, что читались не для учёбы, а для души. Сегодня мне хотелось окунуться в мир сказок и вернуться туда, где всё было просто и понятно. Раньше я читала их запоем. Когда не было учителей, когда Кларисса отпускала меня, а Элдрик с Торном и Мартой занимались своими делами. Я забиралась с ногами на диван у окна и исчезала в историях о героях, драконах и забытых королевствах. Но в последнее время я редко брала в руки книги без учебной цели. Преподаватели приходили каждый день, и свободного времени почти не оставалось. Математика, литература, история — всё то, чему учили в академии, но Кларисса решила, что ездить в Рейзен, столицу нашего

клана, слишком далеко, и проще заниматься здесь. Раньше я спорила — то просилась хотя бы на ярмарку в ближайшую деревню, то пыталась доказать, что поездки пойдут мне на пользу. Но на любой мой довод у неё находился аргумент получше, и со временем я просто перестала настаивать. В какой-то степени мне нравилось, что учителя приходили сами, что не нужно было никуда выходить и сталкиваться с незнакомыми людьми. Это было удобно. Я думала, что мне этого достаточно. Но сейчас, сидя в тишине библиотеки с раскрытой книгой на коленях, я впервые за долгое время позволила себе признаться в том, что долго прятала. Мне одиноко. У нас в поместье редко бывали гости. Кларисса считала, что нам вообще не нужны в доме эти не уважающие никого выскочки. Может, она была права. Но иногда, когда я смотрела в окно на пустую дорогу, ведущую к воротам, мне хотелось, чтобы кто-то по ней прошёл. Чтобы в дверь постучали. Чтобы в доме стало шумно. Но никто не стучал, и дорога была пустой, а тишина — удушающей. Я опустила взгляд на книгу и провела пальцами по странице, будто пытаясь найти там ответ.

«Почему я чувствую себя такой свободной и такой одинокой одновременно?»

* * *

Как всегда, за чтением книг время бежит незаметно. И в этом, наверное, есть что-то прекрасное — ты перестаёшь быть собой и становишься частью чужого мира, пока страни-

цы перелистываются под пальцами. Никаких мыслей о том, что ждёт за дверью. Никаких вопросов без ответов. Только лес, в котором бредёт герой, только ветер, который дует ему в спину, и солнце, которое вот-вот сядет за горизонт.

Ровно до тех пор, пока чей-то голос не возвращает тебя обратно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.